

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

В.И. Молодин

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ, грант № 18-09-00406 «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез»

Целенаправленные исследования по определению относительной и абсолютной хронологии археологических культур эпох неолита и бронзы позволили автору с группой коллег разработать наиболее отвечающие современному уровню знаний концепции в данной области применительно к Обь-Иртышскому региону. Среди изученных памятников – погребальные комплексы, поселения, ритуальные со-

ружения. Радиоуглеродные датировки проводились рядом лучших лабораторий России и Германии. Хронологические рамки исследованных культур охватывают период с 7 тыс. до н.э. по XVIII в. до н.э. (бронза – начало перехода к железному веку).

Ключевые слова: Обь, Иртыш, неолит, бронза, погребальный инвентарь, некрополь, археологическая культура, радиоуглеродное датирование.

Ещё совсем недавно, каких-то полвека назад, Обь-Иртышское лесостепное междуречье представляло собой «белое пятно» на археологической карте Евразии. Однако благодаря целенаправленным исследованиям, проводимым Институтом истории, филологии и философии АН СССР (ныне – Институт археологии и этнографии СО РАН), открыта и исследована серия археологических памятников, поэтому уже в восьмидесятые годы прошлого столетия разработана схема историко-культурного развития носителей культур неолита и бронзы (Молодин 1983: 1985), основа которой сохранила значение до настоящего времени.

Разумеется, схема ежегодно уточнялась и совершенствовалась, и в 2010 г. приобрела значительно обновлённый вид (Молодин 2010), пополнившись как стратиграфическими наблюдениями, так и сериями радиоуглеродных датировок, что позволило уточнить ранее публиковавшиеся концепции. Работа по изучению эпох неолита и бронзы в регионе продолжается и сегодня, каждый новый полевой сезон даёт специалистам серьёзную пищу для размышлений.

Следует отметить, что активному познанию далёкого прошлого способствует всё более эффективный мультидисциплинарный подход к оценке

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, академик РАН; главный научный сотрудник, зав. отделом археологии палеометалла, советник директора Института археологии и этнографии СО РАН; главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, Россия.

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Dr. MOLODIN Vyacheslav Ivanovich – Member of RAS; Professor of history, Head of Paleometal Archaeology department, Consulting Director at Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; Principal research supervisor at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

❖ ORCID 0000-0002-3151-8457

и поиску археологических источников, позволяющий, используя данные естественных и точных наук, выйти на принципиально новый уровень анализа и интерпретации.

Существенные новации получены при изучении объектов неолитической эпохи. В результате обширных стационарных раскопок на памятниках Тартас-1 и Усть-Тартас-1, а также Автодром-2 и Старый Московский тракт-5, исследуемых нашими кемеровскими коллегами под руководством проф. В.В. Боброва (Бобров, Марочкин, Юракова 2017), выявлена барабинская ранненеолитическая культура (Молодин, Кобелева, Мыльникова 2017), отличающаяся своеобразной плоскодонной керамикой, набором каменного инвентаря, производственными конструкциями для копчения рыбы, а также специальными ямами (глубиной в пределах 2 м) для квашения рыбных запасов. Серия радиоуглеродных дат, полученная на различных установках в нескольких лабораториях России и Германии, демонстрирует устойчивые показатели хронологии культуры, укладывающиеся в VII тыс. до н.э. (Молодин, Ненахов, Мыльникова и др., 2019).

Существенно увеличилась источниковая база и по позднему неолиту региона. Масштабные раскопки поселенческих комплексов, проводимые кемеровскими коллегами, позволили обосновать их культурную принадлежность и отнести к артынской культуре западносибирского неолита (Бобров, Марочкин 2011). Также пополнились наши представления по погребальной практике культуры позднего неолита, благодаря, прежде всего, открытию масштабных погребальных комплексов на памятнике Венгерovo-2А, Усть-Тартас-2 и Автодром-1 (Молодин, Мыльников, Нестерова 2016).

В настоящее время можно предметно говорить о погребальной практике культуры, отличающейся наличием сопутствующих земляных сооружений типа рвов, ям и ярусных погребальных комплексов в центре конструкции, при наличии захоронений в грунтовых могилах, где также присутствуют ярусные захоронения.

Особого внимания заслуживает комплекс вышеобозначенных памятников, включающий каменные, костяные, вкладышевые орудия и оружие, характерную остродонную и круглодонную посуду с устойчивой орнаментацией, а также предметы пластического искусства, характерные для западносибирского и зауральского неолита (Молодин, Мыльникова, Нестерова 2016).

Важно отметить, что в керамических комплексах артынской неолитической культуры отчётливо проявляется ямочно-гребенчатая орнаментальная традиция, указывающая на связи с екатерининской культурой южно-таёжной зоны Прииртышья.

Впоследствии этот культурный пласт, названный мной гребенчато-ямочной общностью раннего металла, становится основным на рассматриваемой территории, мозаично встречаясь как в более западных и юго-западных районах лесостепей, так и в более восточных районах, например, в левобережном Приенисее (Молодин 2010).

По-видимому, параллельно с этим образованием существует автохтонная культура, корни которой уходят в местный неолит. Культура получила название усть-тартасской, периода раннего металла. Наблюдается отчётливая преемственность в погребальной практике артынской и усть-тартасской культур, выраженная в наличии круглых рвов, ярусных захоронений, архаичного, близкого неолитическому каменного и костяного ин-

вентаря, в незначительном количестве глиняных сосудов в захоронениях, выступающих в качестве сопроводительного инвентаря. Характерны также ярусные захоронения и разнообразные манипуляции с трупом умершего (Молодин 2005).

Усть-тартасская культура обеспечена несколькими радиоуглеродными датами, позволяющими относить её к IV тыс. до н.э. Кроме того, имеют место несколько случаев, в частности на памятниках Тартас-1 и Усть-Тартас-2, когда погребения данной культуры перекрыты или перерезаны захоронениями более поздней культуры периода ранней-развитой бронзы, именуемой одиновской (Молодин, Мыльникова, Новикова и др. 2011; Молодин, Кобелева, Райнхольд и др. 2018). Кроме того, к слабо выраженным проявлениям металла в захоронениях усть-тартасской культуры (пронизки), недавно добавились более массивные предметы из бронзовой фольги (Молодин, Кобелева, Райнхольд и др. 2018), неопровержимо свидетельствующие, что носители культуры вполне овладели изготовлением, по крайней мере, бронзовых украшений.

Таким образом, уже на этапе знакомства человека с металлом мы вправе полагать, что в регионе присутствуют и сосуществуют два культурных образования, что особенно отчётливо проявляется в последующий период эпохи ранней-развитой бронзы, когда мы наблюдаем две культуры – одиновскую и кротовскую, о которых речь пойдёт ниже.

Данные культуры известны в регионе по результатам раскопок как поселений, так и могильников. Обширный материал, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет надёжно дифференцировать данные образования. Несмотря на известную эпохальную близость, культуры имеют своеобразную керамику, традиции домостроительства и погребальную практику. Имеет место антропологическая и палеогенетическая специфика (Чикишева 2012; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др. 2013). Одиновская керамика имеет несомненные связи с предшествующей гребенчато-ямочной общностью, что проявляется в известной близости керамического декора. Вместе с тем одиновская посуда плоскодонна, что позволяет говорить об автохтонной линии развития. Сопроводительный инвентарь хотя и имеет в себе древние черты, такие как каменные орудия неолитического облика и активное использование кости как поделочного материала, но вместе с тем уже содержит массив бронзовых орудий и оружия. Фиксируется яркий набор бронзовых предметов, где наряду с достаточно архаичными изделиями присутствуют бронзовые наконечники копий и кельты сейминско-турбинского облика. Кроме того, на поселениях и ритуальных комплексах, а также в могильниках встречаются остатки бронзолитейного производства в виде тиглей и льячек, а также обломки глиняных литейных форм. Особое место занимают украшения и предметы, связанные с иррациональной деятельностью. К их числу относятся бусы из полудрагоценных камней, скульптуры из камня и кости, навершия жезлов в виде голов птиц, антропоморфная скульптура и т.д. Чрезвычайно важным обстоятельством является наличие импортных предметов (бус) из полудрагоценных камней, причём обнаруженных на разных памятниках, а также бус-крестовиков, однозначно свидетельствующих о контактах носителей культуры с обитателями районов современной Средней Азии и Восточного Туркестана.

Памятники одиновской культуры неоднородно датированы в различных лабораториях и в настоящее время представлены более чем двадцатью

абсолютными датами, укладывающимися в пределы III тыс. до н.э. (Молодин 2012).

Особенно важно, что мы имеем сегодня и серию стратиграфических наблюдений, сопровождаемых абсолютными датировками, что позволяет уверенно определять хронологическую позицию носителей культуры в системе образований раннего и позднего пластов культур эпохи бронзы в регионе. Отмечено несколько случаев на двух некрополях (Тартас-1 и Усть-Тартас-2), когда захоронения одиновской культуры перерезали либо перекрывали погребения усть-тартасской культуры (Молодин, Мильникова, Новикова и др. 2011; Молодин, Кобелева, Райнхольд и др. 2018). В свою очередь, на памятнике Тартас-1 выявлено несколько более поздних наслоений на одиновские могилы, например, захоронение кротовской культуры перерезало одиновские погребения (Молодин, Мильникова, Новикова и др., 2011). Эти захоронения имеют разные абсолютные датировки. Отмечен случай, когда одиновское погребение было перекрыто погребением андроновской (Фёдоровской) культуры, при этом с обеих могил получены абсолютные даты. Данный факт надёжно иллюстрирует хронологические позиции одиновской и андроновской (Фёдоровской) культур в регионе.

Кротовская культура развитой бронзы также представлена значительной серией исследованных памятников как поселений, так и могильников. Данная культура безусловно имеет собственный колорит, проявляющийся как в инвентаре (особенно в керамике), так и в элементах домостроительства, а также в погребальной практике. Незадолго до открытия кротовской культуры получены надёжные стратиграфические данные, демонстрирующие перерезания культурного слоя кротовского поселения Преображенка-3 грунтовым андроновским (Фёдоровским) некрополем. Получена серия радиоуглеродных дат как по материалам поселений (уголь), так и по костям из захоронений кротовской культуры. В настоящее время таких дат насчитывается уже более 40. Имеющаяся серия укладывается в период середины III – начала II тыс. до н.э. (Молодин, Гришин 2016).

Выше отмечено, что имеющиеся в нашем распоряжении стратиграфические соотношения одиновских и кротовских комплексов демонстрируют однозначные позиции, когда кротовские памятники перекрывают одиновские. Вместе с тем следует иметь в виду, что сходный набор инвентаря явно эпохального по своей сути, а также наличие классических предметов сейминско-турбинского облика позволяют нам полагать, что на определённом этапе развития (в пределах второй половины II тыс. до н.э.) носители данных культур сосуществовали друг с другом, по крайней мере в пределах рассматриваемой территории. Такое сосуществование проходило достаточно мирно. По-видимому, можно говорить о двух параллельных линиях культурного развития в лесостепном Обь-Иртышье.

Каковы истоки кротовской культуры? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Если ранее мы предполагали видеть генетическую преемственность от одиновской культуры к кротовской, то теперь более предпочтительной версией следует считать их сосуществование в середине III тыс. до н.э. Вероятно, в конечном итоге оно завершилось не в пользу носителей одиновской культуры, которые, вероятно, частично растворились среди кротовцев, в то время как другая часть была, очевидно, вытеснена на север, в южнотаёжную зону, где и продолжила свое существование, возможно, оказав влияние на формирование ранних сузгунцев. Во всяком случае, в бо-

лее поздних материалах, относящихся к первой половине – середине II тыс. до н.э., иногда наблюдаем в декоре керамики андроновской (фёдоровской) культуры проявления орнаментальных мотивов в виде ритмичных рядов ямочных наколов, нанесённых по тулову сосуда, а также отдельных – явно северных – таёжных сюжетов в ритуальной пластике (например, бронзовая скульптура фигурки птицы явно таёжного круга в андроновском (фёдоровском) комплексе памятника Тартас-1) (Молодин, Хансен, Дураков и др. 2016).

Судьба носителей кротовской культуры в рассматриваемом регионе складывалась более благоприятно. В начале II тыс. до н.э. в результате внутреннего саморазвития классическая кротовская культура эволюционирует в свой поздний этап, именуемый позднекротовским. Позднекротовская культура изучена сегодня благодаря исследованиям двух погребальных комплексов – Сопка-2/5 и Тартас-1, насчитывающих более сотни захоронений. Кроме того, информативные памятники исследованы в Прииртышье (Генинг, Стефанова 1993) в районе пос. Чёрноозерье, в связи с чем в настоящее время данная культура именуется как позднекротовская (чёрноозерская).

Культуре присуща своеобразная погребальная практика, набор характерного инвентаря из кости и бронзы, своеобразная посуда. Специфической чертой в орудийном наборе выступает практически полная смена прежней парадигмы классической кротовской культуры, связанной с предметами сейминско-турбинского типа, на новую, ориентированную на срубно-андроновские формы, особенно проявляющиеся в оформлении оружия и украшений. Последнее связано сначала с влиянием, а затем с миграцией носителей андроновской (фёдоровской) культуры с запада и юго-запада и укоренением их воздействия на хозяйство и быт абorigенов.

Получена серия абсолютных дат, позволяющая надёжно датировать позднекротовскую (чёрноозерскую) культуру началом II тыс. до н.э. Стратиграфические наблюдения, на основании которых можно говорить о её относительной хронологической позиции, пока отсутствуют. Однако имеют место планиграфические наблюдения, выявившие циклические проникновения на данную территорию носителей андроновской (фёдоровской) культуры, причём в разной степени её «варваризации» (Молодин 2011), что в конечном итоге свидетельствует о различных моделях синтеза абorigенного и пришлого населения.

На рассматриваемой территории андроновские (фёдоровские) памятники известны в разных видах. С одной стороны, это комплексы мигрантов, имеющих специфику в погребальной практике и характере погребального инвентаря. Эта серия могильников (Старый Тартас-4, Старый Сад, локальные участки на некрополе Тартас-1) представлена курганами и грунтовыми могильниками, содержащими серии захоронений, выполненных по обряду ингумации и кремации. Материал с памятников представлен устойчивым набором классической андроновской (фёдоровской) посуды, а также бронзовыми украшениями. С другой стороны, встречаются комплексы, в которых андроновский (фёдоровский) колорит также присутствует, однако не является доминирующим. Получено значительное количество радиоуглеродных дат, свидетельствующих об устойчивых хронологических позициях в пределах II тыс. до н.э., начиная с первых веков и заканчивая XIV в. до н.э. Выше уже отмечалось, что комплексы андроновской (фёдоровской) культу-

ры нередко перекрывают слои предшествующих и последующих культур, что хорошо видно по стратиграфии. Особенно отчётливо это проявляется на некрополе Тартас-1, где прослеживаются комплексы различных эпох и культур, начиная с ранненеолитической.

Период поздней бронзы в регионе, судя по имеющимся материалам, оканчивается весьма мозаичным. Автохтонной в регионе является ирменская культура, исследования которой проводились на поселениях, могильниках и ритуальных комплексах (Молодин 1985). За последние годы в наше распоряжение добавилось не так уж много комплексов, тем не менее в наиболее древней части городища Чича, относящейся к ирменской культуре, получена серия радиоуглеродных дат, позволяющих датировать существование культуры в регионе в пределах первой половины X вв. до н.э. (Молодин, Парцингер 2009). В плане относительной хронологии ранее отмечалось стратиграфическое напластование на памятнике Преображенка-3, где захоронение эпохи поздней поры бронзового века перекрывало андроновскую (Фёдоровскую) могилу. На городище Чича имеет место планиграфическая дифференциация ирменского культурного слоя по сравнению с более поздними культурными напластованиями переходного от бронзы к железу времени. На поселенческом памятнике Каргат-6 отмечено перерезание поселенческого культурного слоя андроновской (Фёдоровской) эпохи многокамерными жилищами ирменской культуры.

Ещё одним культурным анклавом периода поздней поры бронзового века являются погребальные и ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры, носители которой проникали в обозначенный регион из Прииртышья по акваториям рек Оми и Тары. Данная культура в Обь-Иртышье известна по материалам могильников, ритуальных комплексов и поселений (Молодин, Мыльникова, Селин и др. 2017). Полученная серия радиоуглеродных дат весьма противоречива, но в общем укладывается в период конца II – первых веков I тыс. н.э.

В целом эпоха бронзы в рассматриваемом регионе выглядит весьма мозаично, если добавить к вышесказанному присутствие в подтаёжных районах своеобразной явно синкретичной культуры, включающей ирменские, сузгунские и пахомовские компоненты. К сожалению, абсолютных дат и стратиграфических наблюдений на предмет хронологической позиции данного образования пока не получено, однако, судя по культурному облику, и, прежде всего, по керамическому комплексу, данное образование можно отнести к эпохе поздней бронзы, т.е. в конец II тыс. до н.э.

Как отмечалось выше, сложившаяся в регионе этнокультурная ситуация представляет собой мозаичную структуру ряда культурных образований, которые, по-видимому, мирно сосуществовали на рассматриваемой территории (Молодин 2014). Особенно ярко это проявляется на городище Чича-1, где присутствуют культурные комплексы позднеирменской, красноозерской, атлымской, завьяловской, берликовской и даже гамаюнской культур (Чича 2009). По материалам этого памятника получена крупная серия радиоуглеродных дат (свыше 40) (Молодин, Парцингер 2009). Недавно этот перечень дат скорректирован с учётом Байесовской статистики (Шнеевайс, Беккер, Молодин и др. 2018). Указанные данные составили надёжную опору хронологической позиции комплексов этапа перехода от бронзы к железу в регионе в период второй половины X–VIII вв. до н.э. Планиграфический анализ комплексов городища Чича-1 продемонстрировал хронологическую

последовательность освоения его территории представителями различных культурных групп (Молодин, Мыльникова, Дураков и др. 2009).

Такова на сегодняшний день картина относительной и абсолютной хронологии археологических культур эпохи неолита и бронзы Обь-Иртышского лесостепного междуречья. Естественно, с пополнением источниковой базы и корпуса радиоуглеродных дат в схему могут быть внесены определённые коррективы.

Литература

- Бобров В. В., Марочкин А. Г. 2011. Артынская культура. *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. В. Новгород – Старая Русса. Т. I.* СПб; М.; В. Новгород, 106-108.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А.Ю. 2017. Жилище эпохи неолита на поселении Старый Московский Тракт-5: результаты работ 2017 г. *Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий.* Т. XXIII, 45-49.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. 1994. *Черноозерье-1 – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья.* Екатеринбург: Изд-во УрГУД.
- Молодин В.И. 1983. *Бараба в древности.* Автореф. дисс. ... докт. ист.наук. Новосибирск.
- Молодин В.И. 1985. *Бараба в эпоху бронзы.* Новосибирск: Наука.
- Молодин В.И. 2011. Миграция носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь. *Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова.* Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII, 58-69.
- Молодин В.И. 2012. *Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. 3.
- Молодин В.И. 2010. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы). *Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой).* Новосибирск: Изд-во НГПУ.
- Молодин В.И. 2005. Усть-тартасская культура. *Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий:* Матер. XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 180-184.
- Молодин В.И. 2014. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи поздней бронзы к железному веку. XIV-VIII вв. до н.э.). *Археология, этнография и антропология Евразии.* №4 (60), 54-64.
- Молодин В.И., Гришин А.Е. 2016. *Памятник Сопка-2 на реке Оми. Том 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. 2017. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и её культурно-хронологическая интерпретация. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. XXIII, 172-178.
- Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. 2018. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-тартас-2. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Т. XXIV, 293-298.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. 2009. Культурная принадлежность городища Чича-1 по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов на разных участках памятника. *Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи.* Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 44-50.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. 2016. Погребальные ком-

- плексы эпохи неолита Венгеро-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты междисциплинарных исследований. *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2. Том 44, 30-46.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. 2017. *Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.
- Молодин В.И., Ненахов Д.А., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Пархомчук Е.В., Калинин П.Н., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. 2019. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускоритель масс-спектрометр ИЯФ СО РАН». *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 47, №1, 15-22.
- Молодин В.И., Парцингер Г. 2009. Хронология памятника Чича-1. *Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 51-77.
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. 2013. *Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V-I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты*. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. 2016. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1. *Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Том XXII, 357-361.
- Чикишева Т.А. 2012. *Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной сибирии в эпохи неолита – раннего железа*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.
- Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. 2009. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.
- Шнеевайс Й., Беккер Ф., Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Свято С.В. 2018. Радиоуглеродная хронология процесса заселения памятника Чича и байесовская статистика для оценки прерывистого перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (Западная Сибирь). *Геология и геофизика*. Т. 59. №6, 792-813.

RELATIVE AND ABSOLUTE CHRONOLOGY OF NEOLITHIC-BRONZE AGE ARCHAEOLOGICAL CULTURES IN OB-IRTYSH FOREST-STEPPE: CONTEMPORARY SITUATION

V.I. Molodin

This research was undertaken as part of RFBR project, grant No. 18-09-00406 “The Population of Middle Ob River Basin in Early Holocene by Latest Data from Archaeological Complexes: periodization, chronology, and cultural genesis”

The long-term studies in the field of relative and absolute chronology of Neolithic – Bronze Age archaeological cultures permitted the author and his colleagues to develop the most up-to-date concepts on this subject pertaining to the region between Ob and Irtysh rivers. Such archaeological sites as funeral complexes, settlements, and sanctuaries were the primary foci of the studies. Radiocarbon dates are made in the high-rated laboratories in Russia and Germany. The chronological range of the reviewed cultures covers the time span between 7th millennium BC (Early Neolithic) and 8th century BC (Bronze-Early Iron Age transition period).

Keywords: prehistory, Ob river, Irtysh, Neolithic, Holocene, Bronze Age, funeral complex, necropolis, archaeological culture, radiocarbon dating.

REFERENCES

- Bobrov V.V., Marochkin A.G. 2011. Artynskaya kul'tura [Artynskaya culture]. *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda. V. Novgorod–Staraya Russa. T. I.* SPb; M.; V. Novgorod, 106-108.
- Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. 2017. Zhilishche epohi neolita na poselenii Staryj Moskovskij Trakt-5: rezul'taty rabot 2017 g. [The Neolithic dwelling at Staryj Moskovskij Trakt-5 settlement site: proceedings of 2017]. *Problemy arheologii, antropologii, etnografii Sibiri i sopedel'nyh territorij. T. XXIII*, 45-49.
- Gening V.F., Stefanova N.K. 1994. *Chernoozer'e-1 – mogil'nik epohi bronzy Srednego Priirtysh'ya* [Chernoozerye-1: a burial site from the Bronze age in Middle Irtysh river basin]. Ekaterinburg: Izd-vo URGUD.
- Molodin V.I. 1983. *Baraba v drevnosti* [Baraba in the Antiquity]. Avtoref. diss. ... dokt. ist.nauk. Novosibirsk.
- Molodin V.I. 1985. *Baraba v epohu bronzy* [Baraba in the Bronze epoch]. Novosibirsk: Nauka.
- Molodin V.I. 2011. Migraciya nositelej andronovskoj kul'turno-istoricheskoy obshchnosti v Barabinskuyu lesostep' [Migration of Andronovskaya culture bearers to the Barabinskaya forest-steppe]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arheologii. K 70-letiyu D.G. Savinova. Trudy Sibirskoj associacii issledovatelej pervobytnogo iskusstva. Vyp. VII*, 58-69.
- Molodin V.I. 2012. *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov odinovskoj kul'tury* [The Sopka-2 on the Om river: cultural and chronological analysis of Odinovskaya burials]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, T. 3.
- Molodin V.I. 2010. Sovremennye predstavleniya ob epohе bronzy Ob'-Irtyshskoj lesostepi (k postanovke problemy) [Current concepts on the Bronze Age in Ob-Irtysh forest-steppe]. *Arheologicheskie izyskaniya v Zapadnoj Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee (k yubileyu prof. T.N. Troickoj)*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU.
- Molodin V.I. 2005. Ust'-tartasskaya kul'tura [The Ust-Tartasskaya culture]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnih i tradicionnyh obshchestv Zapadnoj Sibiri i sopedel'nyh territorij: Mater. XIII Zapadno-Sibirskoj arheologo-etnograficheskoy konferencii*. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 180-184.
- Molodin V.I. 2014. Etnokul'turnaya mozaika v Zapadnoj Barabe (epoha pozdnej bronzy – perekhodnoe vremya ot epohi pozdnej bronzy k zheleznomu veku. XIV-VIII vv. do n.e.) [Ethno-cultural mosaic in Western Baraba (late Bronze to early Iron Age XIV-VIII centuries BC)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. №4* (60), 54-64.
- Molodin V.I., Grishin A.E. 2016. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Sopka-2 site in the Om river basin]. *Tom 4: Kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov krotovskoj kul'tury*. Novosibirsk: IAET SO RAN.
- Molodin V.I., Kobeleva L.S., Myl'nikova L.N. 2017. Ranneneoliticheskaya stoyanka Ust'-Tartas-1 i ee kul'turno-hronologicheskaya interpretaciya [Early Neolithic occupation Ust-Tartas]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel'nyh territorij*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, T. XXIII, 172-178.
- Molodin V.I., Kobeleva L.S., Rajnhol'd S., Nenahova Yu.N., Efremova N.S., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S. 2018. Stratigrafiya pogrebal'nyh kompleksov rannej – razvitoy bronzy na pamyatnike Ust'-tartas-2 [Stratigraphy of burials on Ust-Tartas-2 site]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel'nyh territorij. T. XXIV*, 293-298.
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Kobeleva L.S. 2009. Kul'turnaya pri-nadlezhnost' gorodishcha Chicha-1 po dannym statistiko-planigraficheskogo izucheniya keramicheskikh kompleksov na raznyh uchastkah pamyatnika [Cultural attribution of Chicha-1 town site]. *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi. T. 3*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 44-50.
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S. 2016. Pogrebal'nye komplekсы epohi neolita Vengerovo-2A (yug Zapadno-Sibirskoj ravniny): rezul'taty mezhdisciplinarnykh issledovaniy [Neolithic burial assemblages of Vengerovo-2A]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. № 2. Tom 44*, 30-46.
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. 2017. *Vostochnyj variant*

- pahomovskoj kul'tury v Central'noj Barabe* [Eastern variant of Pakhomovskaya culture in Central Baraba]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
- Molodin V.I., Nenahov D.A., Myl'nikova L.N., Rajnhold S., Parhomchuk E.V., Kalinkin P.N., Parhomchuk V.V., Rastigeev S.A. 2019. Radiouglerodnoe datirovanie kompleksa epohi rannego neolita pamyatnika Tartas-1 (Srednee Priom'e) s ispol'zovaniem ustanovki "Uskoritel' mass-spektrometr IYAF SO RAN» [Radiocarbon dating of early Neolithic assemblage at Tartas-1 site]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. T. 47, №1, 15-22.
- Molodin V.I., Parcinger G. 2009. Hronologiya pamyatnika Chicha-1 [Chicha-1 site chronology]. *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi*. T. 3. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 51-77.
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. 2013. *Mul'tidisciplinarnye issledovaniya naseleeniya Barabinskoj lesostepi V-I tys. do n.e.: arheologicheskij, paleogeneticheskij i antropologicheskij aspekty* [Multidisciplinary studies of the Barabinskaya forest-steppe populations in the 5th–1st millennia BC]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Molodin V.I., Hansen S., Durakov I.A., Rajnhold S., Kobeleva L.S., Nenahova Yu.N., Nenahov D.A., Demahina M.S., Selin D.V. 2016. Novejshie arheologicheskie otkrytiya na pamyatnike Tartas-1 [Latest archaeological discoveries on the Tartas-1 site]. *Problemy arheologii, antropologii, etnografii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. Tom XXII, 357-361.
- Chikisheva T.A. 2012. *Dinamika antropologicheskoi differenciacii naseleniya yuga Zapadnoj sibiri v epohi neolita – rannego zheleza* [Anthropological differentiation dynamics in the south of Western Siberia in the Neolithic through early Iron Age]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
- Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi [Chicha – a town site from the transitional period between Bronze and Iron Ages in the Barabinskaya forest-steppe]. 2009. T. 3. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
- Shneejajs J., Bekker F., Molodin V.I., Parcinger G., Marchenko ZH.V., Svyatko S.V. 2018. Radiouglerodnaya hronologiya processa zaseleniya pamyatnika Chicha i bajesovskaya statistika dlya ocenki preryvistogo perekhoda ot epohi pozdnej bronzy k rannemu zheleznomu veku (Zapadnaya Sibir') [Radiocarbon chronology of peopling the site of Chicha and the bayesian statistics in assessing uneven transition from late Bronze to early Iron Age (Western Siberia)]. *Geologiya i geofizika*. T. 59. №6, 792-813.